

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 8 (266)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

Коллектив авторов
Россия и мусульманский
мир № 8 / 2014
Серия «Научно-информационный
бюллетень «Россия и
мусульманский мир»», книга 266

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38619428

*Россия и мусульманский мир Научно-информационный бюллетень 2014
– 8 (266):*

Аннотация

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

Содержание

Современная Россия: Идеология, политика, культура и религия	5
Нужна ли нам идеология?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Россия и мусульманский
мир Научно-
информационный
бюллетень 2014 – 8 (266)**

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!*

Современная Россия: Идеология, политика, культура и религия

Нужна ли нам идеология?

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО Л.П. Буева, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН И.В. Егорова.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

П. Гуревич. В 1926 г. видный итальянский коммунист Антонио Грамши оказался в тюрьме. Долгие дни и ночи пришлось провести в застенке. Он был освобожден только в 1934 г. До кончины оставалось всего четыре года. Там, в камере, он начал писать «Тюремные тетради», которые позже принесли ему огромную славу. Его размышления были изданы позже на многих языках. Темы, затронутые в «Тетрадах», касались самых разных аспектов гуманитарного знания. Особый интерес автора вызвали поворотные события политической истории. Он стремился осмыслить опыт Реформации, Французской революции, русской революции 1917 г. Две темы из этого обширного перечня политических

сюжетов оказались весьма волнующими: проблема гегемонии и отождествление политики со страстью. Обычно первая тема сопряжена с обсуждением насилия, его оправданности и тех издержек, которые с ним связаны.

Рассуждения Грамши поразили своей нетривиальностью. Да, революция неизбежно приводит к гегемонии, к принуждению. Но она не обязательно должна обернуться только насилием. Власть держится не только на диктате покорности. Она укрепляется главным образом согласием граждан. Не просто вынужденной поддержкой власти, но еще и убежденностью в справедливости того, что предлагают власти-тели. Полемизируя с другим видным итальянским теоретиком, Б. Кроче, Грамши утверждает правомочность идеологии. Политическая инициатива может носить «наступательный характер», вести постоянные атаки, давить на противника. Но она способна также к серьезной социальной полемике. Необходимо не только насилие, но и идеологическое убеждение. Создание и распространение идеологий – святая обязанность теоретиков, ученых, представителей интеллигенции.

Власть не может обеспечить собственное величие без идеологии, массам тоже она нужна. Сегодня в нашей стране часто сетуют на то, что в существующей Конституции Российской Федерации говорится о недопустимости любой государственной идеологии. Многие политики считают это ошибкой. Они ратуют за возрождение идеологии. Толкуют о

том, что без идеологии страна не может решить поставленные перед нею исторические задачи. В связи этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Каковы исторические судьбы идеологии?
2. Какова ее роль в современном мире?
3. Что принесет нам консервативная идеология, взятая сегодня на вооружение?

Каковы исторические судьбы идеологии?

Л. Буева. Вокруг этого понятия происходит сегодня нечто невообразимое. О нем затосковали не только политики, но и ученые, чиновники, бизнесмены. Оживилось племя идеологизаторов. Маета по идеологии охватила даже широкие массы людей. Многие вспоминают как отрадный исторический период время, когда генсеком был Л.И. Брежнев. При этом конкретные обнаружения этой тоски по идеологии подчас выглядят курьезно. Ответственный и весьма популярный в стране еженедельник под Новый год заявляет: «Без внятной государственной идеологии елка становится скучной». Напрочь забыт прекрасный фильм «Карнавальная ночь», в котором как раз государственная идеология обеспечила в тот новогодний вечер необоримую тяжесть скукотищи. Вице-губернатор Пензенской области Вячеслав Сатин заявил: «Нам нужна новая идеология, новый методологический подход». Знаете ли вы, по какому поводу прозвучали эти слова? Он

сказал: «Мы должны ввести план по родам. Вплоть до плана по зачатию!» Честное слово, тут нужен неизбывный талант Игоря Ильинского, который мог бы с непередаваемой серьезностью произнести с экрана эти слова. Суперкомический эффект гарантирован.

И. Егорова. А может быть, никакого комизма и не предвидится. «Умное лицо – это еще не признак ума, господа», – сказано в популярном фильме. Не будет ошибкой сказать, что началась полоса активной девальвации идеологии под видом оперативного, неумолимого ее возрождения. Идеологию наделяют такими авторитарными смыслами, что кажется, будто политики в очередной раз решили реализовать утопии Оруэлла или Замятина. Она, по замыслу очередных идеологизаторов, должна незамедлительно вторгнуться в личную жизнь людей, мобилизовать их, принудить к единомыслию, к тупой покорности. Летопись идеологии как феномена, ее смысл и предназначение отвергнуты. Однако история наказывает тех, кто не учитывает ее уроки. Идеологизаторы ведут себя так, словно в минувшем столетии не было яростных споров относительно судьбы этого феномена, не сталкивались различные социологические концепции. Невольно вспоминается фраза М. Горбачёва: «Относительно плюрализма не может быть двух мнений, он нам нужен».

П. Гуревич. Такое простецкое отношение к идеологии особенно поразительно, если учесть, что к ее трезвому осмыслению подключились в конце минувшего столетия и

начале нынешнего выдающиеся современные философы, в том числе Поль Рикер, Жак Бодрийяр, Юрген Хабермас, Славой Жижек и другие мыслители. Проблема вовсе не так проста, как кажется на трибуне Государственной думы. Невольно рождается тревога, не готовы ли мы в очередной раз профанировать важнейшие социальные понятия, прагматизировать их глубочайший смысл и войти в царство абсурда. Упаси Бог, если принудительная сила идеологии коснется столь укромных сфер человеческой жизни, как зачатие. Не приведи Господь, если тоталитарная мощь идеологии будет мобилизована для укрепления властомании.

Л. Буева. Надеюсь, в нашем обсуждении мы не собираемся дискредитировать само понятие идеологии? Эту задачу в свое время блестяще выполнил Карл Маркс. Он объявил ее «ложным сознанием». В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса раскрыты такие аспекты теории идеологии, как происхождение идей, дана характеристика так называемого идеологического метода мышления, проведен анализ буржуазной идеологии как ложного сознания, рассмотрена социальная мифология. Вместе с тем в их работах подчеркнута активная роль сознания, субъективного фактора, проанализировано соотношение различных форм общественного сознания.

И. Егорова. Это общее суждение требует все же корректировки. Пожалуй, и до Маркса идеология подвергалась унижению. Вообще, надо полагать, первым, кто в Европе пытался последовательно развить и продумать вопросы, непо-

средственно связанные с раскрытием социальной сущности идеологии, можно считать итальянского мыслителя Н. Макиавелли. В его основном труде «Государь» были изложены серьезные мысли о роли идей в политических столкновениях. В работах Ф. Бэкона были рассмотрены некоторые познавательные особенности теории идеологии. Огромное значение для формирования концепции идеологии имела критика религии как формы идеологического сознания в трудах К. Гельвеция и П. Гольбаха. С XVIII в. «критика идеологии» имела преимущественно моральный характер. Идеология, согласно просветителям, должна изображать политические институты как средства духовного воздействия на людей, вскрывать сущность религии как способа оправдания несправедливых социальных отношений. Одним словом, предполагалось, что именно идеология имеет шансы противостоять власти, поскольку она выступает в роли теоретического контролера официального государственного курса. Разве сегодня идеология находится в критическом дозоре?

Л. Буева. Когда современная власть ратует за возрождение идеологии, она меньше всего имеет в виду критическую функцию массовых идейных процессов. Напротив, она ищет в этом феномене возможность укрепления власти, поддержания единомыслия, порядка, необычайного ресурса воспитания масс в период духовного разномыслия. Нетрудно представить, что общий призыв к идеологизации масс при всех

благих и оправданных намерениях может обернуться черно-сотенными или неоязыческими манифестациями, религиозным фанатизмом, идейной неразборчивостью. «Развязывание» языков и инспирация умов неоднократно приводили к расшатыванию власти, к идейному разброду. Поэтому в конкретной исторической практике нередко полезнее оказывается идеологическое воздержание или явная деполитизация масс. Вопрос в том, какой исторический момент переживает Россия и нужна ли ей сегодня идеология?

И. Егорова. И все же, Людмила Пантелеевна, в жизни каждого народа или страны возникает такая ситуация, когда призыв к единой идеологии оправдан. Могли ли национально-освободительные устремления получить реализацию, если бы они не были воодушевлены общей идеей свободы? Разве музыка Верди не звала на борьбу против австрийских угнетателей? Могли ли формироваться национальные государства без призывной, рекрутированной идеологии? Неужели приверженцы социалистических идей пришли бы к власти, если бы не стремились внедрить в массы собственные идеи? Выходит, власть всегда рискует, когда призывает к идеологической мобилизации. В истории случается, что ветхозаветный российский национализм на пике собственного акме имеет шанс парадоксально пробудить тягу к европеизации. Идеология русского народа, «русскости» может вызвать к жизни различные национальные «измы». Фундаментальное православие способно вызвать эффект ре-

исламизации. Прежде чем ринуться в пучины идеологизации, надо просчитать и возможные последствия безрассудной индоктринизации.

П. Гуревич. Может быть, именно поэтому идеология, как правило, зовет в неизвестное. Неслучайно видный словенский культуролог и социальный философ Славой Жижек отмечает, что «идеологической» социальная действительность становится тогда, когда есть незнание. Это проверенное философское суждение. А ведь отечественные идеологизаторы полагают, что именно утверждение конкретной идеологии обеспечит кристальную мировоззренческую ясность и идеальный порядок. На самом деле носителем незнания являются субъекты данной исторической ситуации. Это можно трактовать так: в любой идеологической ситуации есть «слепое пятно», которое скрывает от человека нечто, безусловно важное. Так, голый король из сказки Андерсена не ведает, что он голый. В той же мере жертва либерально-демократической идеологии не знает, что свобода, которой он кладет на заклание все свои силы и саму жизнь, с необходимостью оборачивается его закрепощением в том случае, если у него нет достаточного капитала, который позволил бы ему жить, не продавая свою рабочую силу. Он борется за свободу, но не как истекающий кровью, ползущий на баррикаду человек на картине французского художника Эжена Делакруа. Он такой раб свободы, который ползет к прекрасной деве с красным флагом, но приползает всегда в одно и то же рабство, в одну

и ту же необходимость отказаться от всякой свободы ради куска хлеба для себя и своих детей. Граждане современной России ощутили это на своей судьбе. А ведь безграничная свобода казалась таким соблазном, что верилось: «иного не дано». Сегодня от этого жаркого энтузиазма осталось только пережеванная правда: «Свобода лучше, чем несвобода».

Л. Буева. Жертва либеральной идеологии не знает, что свобода – это совсем не то, что нарисовано на полотне живописца Э. Делакруа. Он проливает кровь не за свободу как таковую, а в основном за свободу собственности, за которую и борется сформировавшийся новый класс во времена Французской буржуазной революции. Он еще не знает, что свобода слова, совести, вероисповедания и пр. – это периферийные свободы, обслуживающие главную: свободу иметь имущество, независимо ни от чего. И ничего плохого нет во всех этих свободах, если у тебя есть собственность. Даже если у тебя ее недостаточно и ты вынужден работать, то ничего плохого нет и для тебя, только ты хорошо должен знать цену, которую лично тебе придется платить за радость жить в либерально-демократическом обществе. Вот эта изнанка идеологии осознается далеко не сразу.

И. Егорова. Значит, логика критиков идеологии не беспочвенна. Не знание, а идеология не может быть универсальной, она всегда что-то упускает, влечет к идеологическому плену. В ходе идеологического просвещения идеология может обрушить самое себя. Кстати, об этом неплохо напи-

сал немецкий философ Петер Слотердаjk. Он в своей недавней книге «Критика циничного разума» утверждает, что после внушительной критики идеологии наступает ее смерть. Но тогда на смену ей приходит еще одна форма ложного сознания, которая страшнее идеологии. Имя ей цинизм. Рассчитавшись с идеологией, мы рискуем войти в царство непристойного скепсиса.

П. Гуревич. Своевременное предупреждение. Нам, судя по всему, предстоит разобраться в своеобразном духовном феномене, который называется «критика идеологии». Ведь это огромная духовная традиция, к которой, кстати, причастен и Карл Маркс. Родившись в эпоху Просвещения, «критика идеологии» противостоит сегодня любой идейной мобилизации, в известной степени затемняет роль идеологии в истории. В XVIII в. критика идеологии выполняла важнейшую социальную функцию – она была манифестом борьбы. Эта критика не только сокрушала консервативно-самодовольное сознание. Она служила плацдармом, на котором оттачивалась социальная мысль, играла роль своеобразного духовного тренинга. Именно об этом говорится в книге «Критика циничного разума». В то же время «критика идеологии» утрачивает всякую диалогичность. Слотердаjk оценивает любого идейного противника как «клинический случай», как патологический феномен. Здесь очевидна опасность идейного фанатизма. Нет необходимости снова приводить известные исторические примеры. Идейная ярость не

всегда продуктивна. Чаще всего она губительна.

Л. Буева. Но разве такая идеологическая беспощадность не приносит пользу? Расчеты с любым пристрастным мнением, с духовными заблуждениями – неужели не пробуждают ростки нового мышления? Критика идеологии позволяла обнаружить тайные, неявные мотивы противника. Она стремилась представить общественности воспроизводство ложного и несвободного сознания. Разве в наши дни существует такая неистовая диагностика духовных процессов?

И. Егорова. Я-то как раз убеждена в том, что такого идеологического фанатизма сегодня предостаточно. С каким напором, к примеру, критикуется в наши дни либеральная идеология! Да, реализация либерального проекта в нашей стране обернулась многими утратами. Да, Конституция РФ 1993 г. закрепила ценности либеральной идеологии в качестве общеобязательных, игнорируя иные идеологические ориентиры. Но ведь базовые ценности либеральной идеологии – священность и неотчуждаемость естественных прав и свобод личности (права на жизнь, свободу и частную собственность). Не вытравится ли из общественного сознания в результате такой идеологической агрессии значимость достижений либеральной мысли? Различного рода телевизионные «барьеры» сегодня преследуют единственную цель – перекрыть собеседника, сразить его мощью идеологического напора. За всем этим ощутима пагубная потребность в единственно правильной идеологии. Провозвестие диалога

как крупнейшего достижения философии минувшего столетия начисто игнорируется. Во всем отыскивается не рациональное зерно, а неистинность и злая воля. Всякое заблуждение квалифицируется как злонамеренная идеология. Но при этом в идейном багаже не оказывается собственно никакого позитивного содержания.

П. Гуревич. Это и дает основание мыслителям указать на нынешнее онаучивание идеологии. Она выступает теперь во всеоружии теоретической серьезности, апеллируя к марксизму, психоанализу, постмодернизму, синергетике. Развертывается «холодная война» сознаний. Но беда в том, что никто никого не слышит. Критика идеологий, став серьезной, подражает в своем подходе хирургии: она стремится вскрыть пациента скальпелем критики и, надлежащим образом все продезинфицировав, оперировать. Стиль аргументации при критике идеологии – от критики религии в XVIII столетии до критики национализма в XX в. – характеризует поза обличителя. Повсюду разоблачаются внерациональные механизмы, порождающие мнения, – интересы, страсти, фиксации, иллюзии. Однако на деле число социальных мифов множится.

Л. Буева. Изобличение иллюзий – разве не в этом миссия социального мыслителя, идеолога? Власть стремится узаконить свое первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии». Идеология по самому своему при-

званию борется с инакомыслием, с нетривиальным подходом к общественным процессам. Она догматична и направлена против всякого творчества.

И. Егорова. Нет сомнений в том, что идеология стягивает все мыслительное, духовное богатство к обоснованию одной «правды», одного «голоса». Она создает всечеловеческую стилистику, но выражает ограниченную точку зрения. В том-то и дело, что и «критика идеологии» демонстрирует, в конечном счете, формальное многомыслие. Да, идеологии свойственно фанатичное деление мира на фатально противостоящие друг другу системы идей. Отсюда гневное осуждение универсального человеческого опыта. Но не подпадаем ли мы при этом под скромное обаяние «критики идеологии», которое не позволяет развернуться полноценному духовному диалогу, подменяя его множеством автономных голосов?

П. Гуревич. Между прочим, Жижек не соглашается со Слотердайком. Смысл идеологии, считает он, состоит не только в «думании». Если бы это было так, то тогда «критика идеологии», раскрыв все карты обмана, привела бы к краху «ложного сознания». Тогда не было бы в мире больше никакого идеологического принуждения и эксплуатации. Но дело в том, считает Жижек, что идеология гнездится вовсе не на уровне «думания», а на уровне «делания», что (в его терминах) идеология – это не симптом, а фантазм; значит, понять, что тебя обманывают, вовсе недостаточно для того, чтобы не

быть обманутым вновь. Сколько бы ни разоблачали идеологию, она способна торжествовать вновь, хотя все ее секреты давно изведаны. Не раз в истории западного мира заявляли об окончательном крахе и гибели идеологии как феномена. Не раз в этой истории ее триумф возобновлялся. Политик, претендующий на значительные социальные перспективы, просто по определению не может обойтись без идеологии.

Л. Буева. Да, французский философ Поль Рикер полагает, что в понятие «идеология» не следует вкладывать тот уничижительный смысл, который придавал ему Маркс. Такая трактовка сложилась через призму классовой борьбы, которая требовала искажения реальности. Это, согласно Рикеру, партикулярная характеристика идеологии. Идеология, считает он, не обязательно является «ложным сознанием». Правильнее связывать с ней особый метод мышления, типичный для французского Просвещения. Для мыслителей этой эпохи, таких, например, как Дестют де Траси, идеология означает теории или доктрину идей. Именно Наполеон впервые употребил это слово в негативном смысле, назвав «интеллектуалов» и «идеологов» своими врагами. Возможно, современная власть имеет в виду именно это – позитивное – толкование идеологии?

И. Егорова. Само слово «идеология» впервые ввел в употребление А. Дестют де Траси в 1796 г. На рубеже XVIII–XIX вв. поздние просветители превратили учение об иде-

ях в морально-политическую доктрину, подчеркивая активный характер, практическую значимость идеологии. Деятели того времени пытались теоретически осмыслить, как философские идеи влияют на политику. В частности, П. Кабанис полагал, что именно идеи оказывают наибольшее влияние на общественную мораль, которая рассматривалась им в качестве источника политических страстей.

П. Гуревич. Да, именно в тот период группа французских экономистов, философов, естествоиспытателей (А. Дестют де Траси, П. Кабанис, Э. Кондильяк, К. Вольней, Ж. Гара) использовала новое слово «идеология» для обозначения теоретической дисциплины, призванной заниматься изучением генезиса и функционирования идей. Термин «идеология», таким образом, первоначально означал «науку об идеях». Эти мыслители предполагали создать особую философскую дисциплину, призванную изучать методологические основы всех наук. Идеология как самостоятельная наука должна была, по словам П. Кабаниса, иметь в настоящем или будущем непосредственное приложение к изысканиям и работам мыслителя, моралиста и законодателя. Какой парадокс подготовила история! Слово «идеология», придуманное специально для обозначения трезвого, беспристрастного мышления, стало затем синонимом обмана и фальсификации социальной правды.

Л. Буева. Коллеги, можно ли предполагать, что эта традиция, согласно которой идеология считалась теоретической

основой общества, была затем утрачена? Идеология в нашем сознании долгое время отождествлялась с разного рода мистификациями, мифами, иллюзиями, которые лишь затемняют общественное сознание. Немецкий философ Юрген Хабермас даже писал так: «Идеология является бытующей мистикой». «Критика идеологии» составила целый этап в истории западного мира. Французский философ Жак Лакан доказывал, что человеческое сознание вообще является «ложным» уже на доречевой стадии своего развития. В дальнейшем, по его мнению, самоотчуждение индивида нарастает в связи с расширением сложности символических систем, в которые он включается. Так, человек все более и более, по словам Ж. Лакана, охватывается «идеологическим».

И. Егорова. Но хорошо известно, что разоблачение идеологии продолжалось в течение десятилетий. Не в этом ли смысл концепции деидеологизации философской и социально-политической концепции, которая получила широкое распространение на Западе в 50-х и 60-х годах прошлого столетия? Ее основоположники провозгласили «закат идеологии», устранение идеологии из обществоведения, политики, повседневной жизни. Деидеологизацией называют также направление теории, политики и практики, которая отвергает односторонне классовый, предельно идеологизированный подход к анализу и оценке социально-политических феноменов и процессов и отдает приоритет общечеловеческим интересам и ценностям перед классовыми и групповыми.

П. Гуревич. Это недолгое идейное поветрие было вызвано докризисным процветанием западного мира. Тогда казалось вполне естественным представление о том, что в благоустроенном обществе, где отлажены экономические, политические, социальные процессы, нужды в идеологии нет. Возникает совсем иной запрос: нужны специалисты, которые контролируют каждое звено общественной жизни, предлагают продуманные общественные решения. В самом деле, кому станут верить люди – социальному мыслителю, специалисту, который предлагает «от имени науки» взвешенное и продуктивное суждение, или политику, который из всех сил стимулирует «ярость масс»? Мода на харизматиков стала утрачиваться. На вершинах власти оказались самые заурядные политики, не поражающие избирателей ни умом, ни личностными качествами, ни моральной стойкостью. Пришло время технократов. Они прониклись мыслью, что с помощью индустриального переворота, искусной социинженерной экспертизы и тотального планирования в национальных масштабах можно не только обеспечить благосостояние людей, но и значительно ускорить темпы социального прогресса. Технократы внедряли в общественное сознание представление о том, будто социальная ткань податлива и мягка. Она может выкраиваться по идеальному стандарту, подсказанному наукой. Эта идея родилась в сознании технократов, высококвалифицированных специалистов в бизнесе, в организации производства, планировании досуга. Уко-

ренившись в различных звеньях общественного организма, эксперты, естественно, были убеждены в своей необычной миссии.

Л. Буева. Но что же заставило социальных мыслителей так стремительно отмежеваться от концепции «идеологизации», которую они сами же пестовали? Я полагаю, что идеологизация выражала некий мираж, иллюзию. Ведь монетаризм сам по себе тоже является идеологией, разве не так? Формально он сводится к набору экономических экспертиз и рекомендаций. Но при этом исходит из широкого круга мировоззренческих проблем – трактовка смысла жизни, ориентировка поведения, ценностные идеалы, инспирация рыночных оценок в тех сферах жизни, где они недопустимы. Любовь в рыночном обществе предлагается в качестве товара, дружба – как выгодные партнерские отношения. Разрастаясь в качестве чисто экономической модели, монетаризм стал обогащаться многочисленными идейными сюжетами. Так на фоне идеологической пустоты утвердилась «новая идеология жизни».

И. Егорова. В идейной жизни этот процесс вызвал обновленную веру в идеологию. Смысл новой концепции – реидеологизации – обозначен приставкой «ре», предполагающей возрождение идеологии, усиление ее роли в современном мире. В начале 1970-х годов ведущие теоретики «реидеологизации» (Р. Арон, Д. Белл, О. Лемберг, Р. Нисбет и др.) объявили, что в современном мире происходит бурное

обновление духа, обнаружены и задействованы дремавшие до сих пор мировоззренческие ресурсы, укрепляется утраченная в минувшие десятилетия вера в мобилизационную мощь идеологии капитализма. Ныне реидеологизация трактуется как развернувшееся массовое приобщение широких слоев населения к идеалам и ценностям современного потребительского общества.

П. Гуревич. Уже полвека назад социологи писали о том, что процесс реидеологизации находится у самых своих истоков. Его успешному развитию может содействовать некоторая критика капитализма, стремление придать ему более четко выраженные «неоконсервативные» (Д. Белл), «неолиберальные» (Д. Уилхелм) или умеренно радикальные очертания (Ж. Леметр). Но социальная практика столкнулась с неразрешимыми для нее проблемами. Можно ли действительно говорить об «исчезновении идеологий»? Могут ли вообще затихнуть политические страсти, если современное общество чревато внутренними катаклизмами? Каково мировоззрение тех, кто объявляет себя противниками идеологии? В самом деле, могут ли отдельный человек или общество в целом обойтись без целостной картины мира? Важно отметить, что многие западные социологи, в их числе Р. Миллс, И. Горовиц, Н. Бирнбаум, Дж. Лаполамбара, еще до того как самих поборников деидеологизации стали одолевать сомнения, показали уязвимость этой концепции. Они раскрыли конкретные противоречия, присущие ей. По спра-

ведливому замечанию Р. Фридрикса, концепция «деидеологизации» превратилась самым катастрофическим и фатальным образом в своего рода «социологический курьез».

Какова роль идеологии в современном мире?

Л. Буева. Не забавно ли, что в роли инициаторов концепции реидеологизации выступили те западные исследователи, преимущественно социологи, которые активно пропагандировали созданную ими концепцию деидеологизации? Р. Арон, З. Бжезинский, Д. Белл, С. Липсет, Шилз. Теперь все они стали говорить, что, в сущности, они всегда были реидеологизаторами. Беда лишь в том, что научная общественность не сумела оценить утонченность их мотивировок. В результате, мол, появились упрощенные, а подчас и извращенные версии тех воззрений, которые исповедовали указанные авторы. Словом, их не поняли, неверно прокомментировали и т.п. Р. Арон уже в конце 1960-х годов объявил, что «закат идеологии» стал анахронизмом. По его мнению, мы живем в век «разрастающейся и углубляющейся идеологизации». З. Бжезинский утверждал, что сегодня выигрывают те общественные силы, которые обращаются к массовым идеалам, учитывают потребность людей в ценностных ориентациях. Поиск воодушевляющих истин больше уже не рассматривался как «ненужное доктринерство», как «дань абстрактному и бесплодному гуманизму». Напротив, идео-

логи, социологи и политологи стали настаивать на том, что люди испытывают весьма сильную, трудно насыщаемую потребность в идеях, мотивирующих их поведение.

И. Егорова. Мне кажется, что реидеологизаторская волна имеет некоторые общие черты. Все теоретики, придерживающиеся новой тенденции, говорят о возросшей роли идей в современном мире. Смысл этих умонастроений весьма отчетливо выражен в афоризме: «Человеку идеология нужна как воздух». Все реидеологизаторы, независимо от конкретных ориентаций, придерживаются единой платформы: они убеждены в том, что мир крайне нуждается в новых мировоззрениях, ибо прежние утратили способность быть средством социальной ориентации. Всем «реидеологизаторским» направлениям присуще мессианство, вера в собственную историческую миссию, в то, что именно данное конкретное воззрение явится прологом к новой фазе человеческой истории. Отсюда проекты «глобальной идеологии», оцениваемой уже позитивно, как факт, отражающий общественные потребности. Реидеологизаторы ищут ядро «новой идеологии», некое наиболее важное устремление, которое способно сообщить энергию и привлекательность новому мировоззрению.

П. Гуревич. Зерно возникающей «глобальной идеологии» Т. Парсонс усматривал в «религии всеобщей любви», Э. Фромм – в «революции надежды», Т. Роззак – в «старом гнозисе», т.е. возрождении шаманистики, магии, пер-

вобытной фантазии. Сообщалось, что новое мировоззрение, столь нужное современному миру, будет свободным от одно-сторонности. В этом новом духовном образовании будут интегрированы разные тенденции, гармонизированы интересы разных социальных групп. Реидеологизация – сложное и многоплановое явление. Она взята на вооружение различными идейно-политическими течениями современного мира. Возникновение данной идейной волны отразилось на всех направлениях западной мысли, трансформировав и либерализм, и консерватизм, и леворадикальное сознание. В этом русле лежат попытки буржуазных партий (республиканской и демократической в США, лейбористской в Англии и др.) опереться на обновленные политические программы, укрепить свой престиж. И чем же все это завершилось? Идеология оттеснила науку, философию. Началась полоса безраздельной идеологизации всей социальной жизни. Идеология окончательно короновала себя в современном мире. Нет такой сферы существования, будь то конкурсы красоты или спортивные состязания, политические распри или расшифровка генома, которая не оказалась бы идеологизированной. Почитайте работы современных генетиков. Их волнуют уже не только тайны природы. Они готовы выступить и в роли социальных реформаторов.

Л. Буева. Мы подвергли осуждению идеологию и ее критику, крах идеологии и реидеологизаторскую волну. Каков же «сухой остаток»?

И. Егорова. Он как раз в том, что опасно браться за новое идеологическое творчество, не усвоив уроки истории. Можно ли считать, что концепция деидеологизации полностью несостоятельна? Это было бы упрощением проблемы. Ведь остается в силе предположение, что главная задача власти состоит вовсе не в том, чтобы представить народу развернутую идеологию. Ей предстоит, прежде всего, использовать достижения социальной философии и организовать общественную жизнь с учетом достижений экономики, социологии и других сфер гуманитарного знания. Запрос на идеологию, безусловно, отражает неспособность власти сохранить себя без использования социальной мифологии. Либеральная власть в нашей стране полагала, что она реализовала запрет на огосударствление идеологии. И в этом был исторический смысл. Трудно было в тех условиях обеспечить переход страны к новому жизненному укладу без серьезных расчетов с авторитарным наследием, без оценки возможной идейной заразы, которая находит свою опору то в национализме, то в неоязычестве, то в воинствующем атеизме.

П. Гуревич. Да, любая политическая сила, придя к власти, начинает уже не разоблачать идеологию как феномен, а укреплять собственные идеологические позиции. Именно поэтому, мне кажется, нет особого смысла разоблачать концепцию деидеологизации. Не зря говорится, что из мертвого тела философии XIX в. явились на свет современные науки теории власти, такие как политология, теория классов-

вой борьбы, технократия, витализм – в любом обличье вооруженные до зубов. Не точнее ли предположить, что в исторической общественной практике иллюзии и парадоксы деидеологизации время от времени сменяются грезами реидеологизации? Ни та, ни другая концепция не могут претендовать на универсальность. Убеждение в том, что без идеологии общество существовать не может, зачастую сменяется резким разоблачением господствующих социальных мифов.

Л. Буева. В современной России реидеологизаторская тенденция выражена весьма отчетливо. Она находит отражение и в поисках «национальной идеи», и в стремлении построить национальное патриотическое государство, и в желании приобщить страну к достижениям мировой цивилизации, и в желании выстроить протекшую историю по лекалам современных властных полномочий. Мне кажется, что огромные усилия, которые прилагаются к разоблачению деидеологизации, отвлекают от главной задачи – поисков позитивных идеологических ресурсов. Ведь чаще всего политики и эксперты говорят не об идеологии, а о социальном проекте.

И. Егорова. Опасность идеологии вообще обнаруживается в том, что она отчуждает реальность. Благодаря социальной мифологии люди погружаются в мир грез, абсурда, живут в галлюцинаторном мире. Это отвечает интересам власти, которая не справляется с действительными обществен-

ными проблемами. Идеология, как только она оформилась в качестве специфического явления, вызвала высокомерное отношение к жизни, здравому смыслу, историческому опыту, не освященному духом «научности». Она предстала как некое, внесенное «сверху» сознание, которое навязывается массам или целым народам подчас вопреки здравому опыту, житейской практике. Вся история с «раскрестьяниванием» разве не наглядная иллюстрация противостояния тысячелетнему уникальному опыту сельчан? Наконец, разве сама принудительность идеологии, которая насаждается, усваивается, закрепляется, не служит мостиком к тоталитаризму?

П. Гуревич. В то же время очевидно, что приход к власти В.В. Путина и артикулированная им идея сохранения сильного Российского государства отражала назревшие социальные тенденции. Мне кажется, что наша страна упустила возможность ясной и убедительной философской трактовки этой идеи. Понятное дело, что ссылки на две-три цитаты И.А. Ильина не могли заменить эту задачу. Нам явно не хватило полноценной дискуссии о предпосылках «нормальной государственности», о сущности и механизмах государственной власти, о праве и правосознании, о правопорядке. Дефицит проблемной сложности этой темы, сублимированной цитатностью, не позволил придать данной исторической ситуации мировоззренческой напряженности. Прояснение национального самосознания незаметно превратилось в обыкновенную апологию власти.

Л. Буева. Я согласна с тем, что идеология только тогда обретает жизненность, когда она отражает назревшие общественные тенденции, поддерживается народом, закрепляет энтузиазм масс. Важно не только озвучить назревшую идею, но придать ей также историческую объемность. Между тем «программа Путина» на протяжении двух десятилетий не обрела социологической и теоретической конкретности. Под нее неизменно подверстывались различные аспекты политической конъюнктуры. Президенту удавалось создать иллюзию полного единomyслия с каждой конкретной идеологической стратегией. Разномыслие стало мимикрировать в показное единство.

П. Гуревич. Давайте поставим вопрос: при каких условиях сомнительное значение слова «идеология» не будет бросаться в глаза, несмотря на то что оно в конце концов вытекает из самой дефиниции? В качестве отправной точки анализа можно взять положение Макса Вебера о социальной интеграции. Немецкий философ действительно дает относительно исчерпывающее объяснение социальных отношений, не ограничивая его двумя понятиями – господство и конфликт. Именно на уровне такой осмысленной, сориентированной на другого члена общества и социально интегрированной деятельности феномен идеологии приобретает свое первоначальное значение. Особенно подчеркнем понятие «социально осмысленного поведения».

Л. Буева. Да, к сожалению, современные события не

осмысливаются. В самом деле, ведь постижение смысла происходящего предполагает обращение к социальной памяти и вместе с тем воссоздание определенного образа этой памяти в форме уже опосредованного отношения к реальным фактам прошлого. При опосредованном отношении к «основополагающим событиям» проявляется четкая тенденция к замене убеждения простым одобрением, логическим обоснованием, иначе говоря, рационализацией, если воспользоваться психоаналитическим термином. Идеологи, по сути дела, дают ответ на все сомнения, возникающие между прошлым и настоящим. Идеология не просто отражает некие основные силы, она принадлежит к символической сюжетике группы, связывает перспективу и память.

И. Егорова. Все идеологии схематичны и упрощены. Это своеобразный тип кода, который позволяет социальным группам иметь всеобъемлющую точку зрения на самих себя, на историю и, в конечном счете, на весь мир. Кодового характера идеологии невозможно избежать, поскольку механизм ее воздействия направлен на обработку общественного мнения, которое скорее поддается управлению, нежели мышлению. Эта замена мышления мнением и является идеологическим феноменом. Идеология апеллирует к «измам» – либерализм, социализм, гуманизм. Пристрастие к лозунгам обнаруживает родство между риторикой и политикой, хорошо известное греческим и латинским мыслителям.

П. Гуревич. Я хотел бы привести исторический при-

мер такой подмены, который, пожалуй, не осмыслен до конца социальными философами. Дело в том, что концепция деидеологизации создавалась от имени научного сознания. Власть на самом деле оказалась некоторое время распыленной между политиками и технократами. Политикам приходилось осваивать научную лексику, убеждая массы в том или ином социальном решении. Но сегодня роль научной технократии стухедалась. Политики все реже обращаются к голосу специалистов. Власть не слышит экспертов. Политическое решение отражает все что угодно, только не теоретически оправданное действие. Политик более чутко отзывается на социальную конъюнктуру, которая позволяет ему удержать власть.

Л. Буева. Мне кажется, что это происходит во всем мире и у нас, в России. В нашей стране в Общественной палате во время слушаний «проклюнулась» такая неожиданность. В органах государственной власти и в силовых структурах не хватает 17 тыс. аналитиков. Может быть, власть не интересуется мнением тех, кто способен дать серьезный аналитический разбор закона, который готовится к обсуждению. Но не исключено, что кто-то предумышленно нейтрализует важнейшие блоки трезвой, обоснованной информации. Если бы аналитики были допущены к расчетам денежных средств при финансировании «Роснано» и «Сколково», безудержных растрат не произошло бы. На самом деле, осознание ненужной роскоши при обеспечении проектов обнару-

жено уже Счетной палатой. Кажется, все оправданно. Избыточность средств установлена. Один социальный институт скорректировал другой. Но где же участие специалистов, аналитиков?

И. Егорова. Полагаю, что разгром Академии наук был бы остановлен, если бы в обществе был запрос на научную экспертизу. Более того, в обоснование этого разрушения толковали о том, что наука оказалась несостоятельной в тех или иных случаях, когда к ней обращалась власть. В печати не раз отмечали, что прогнозы и оценки С. Глазьева, М. Делягина, М. Хазина, В. Лепского, О. Смолина, В. Бабкина, Л. Ивашова, видных представителей Российской академии наук и Академии военных наук подтверждали неоднократно свою состоятельность.

П. Гуревич. Мне лично нравятся социальные экспертизы, которые принадлежат ректору Байкальского государственного университета экономики и права профессору Михаилу Винокурову. Возможно, они не безупречны. Однако почему они не становятся предметом критического разбора? Это чисто идеологический казус: не обращать внимания на то, что не востребовано политическим мнением. Могут возразить: еще в декабре 2001 г. президент России дал Академии наук и научному сообществу серьезное задание: обеспечить независимую экспертизу принимаемых государственных решений и прогноза аварий, бедствий и катастроф в природной, техногенной и социальной сферах. Разве это

задание было проигнорировано? Ничего подобного. Подготовленные экспертизы не получили ни поддержки, ни одобрения. Нельзя же, в самом деле, считать ликвидацию Академии наук своеобразным откликом на проделанную работу. Касаясь проблемы возможных корректив Конституции РФ, В.В. Путин в Послании Президента Федеральному Собранию РФ отметил: «Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение». Но разве у нас есть опыт широкой общественной дискуссии по социальным вопросам? Где тогда хотя бы перечень проблем, которые требуют аналитического обсуждения?

Л. Буева. Дело даже не в том, что нет обсуждений и дискуссий. Они есть. Вот состоялась очередная ассамблея Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Собрали лучшие умы страны. Значима и тема: «Человеческий потенциал России: Как сохранить и приумножить?». На этом заседании политолог В. Третьяков заявил, что никаких инноваций на основе реформы образования не будет никогда. Их нет за последние 20 лет, и в ближайшие 120 лет, если будет продолжаться эта реформа, не будет. Разве кто-то в стране сомневается в точности этих выводов? Однако многие газеты напечатали эти слова как «особое мнение». Зачем тогда иллюзия обсуждений? Чтобы создать идеологическую види-

мость серьезной проработки проблемы, обмена мнениями. Механизм идеологии действует как бы за нашей спиной.

И. Егорова. Участие в историческом процессе предопределяет невозможность абсолютного знания. Политика все чаще обращается не к экспертизе, а к феномену целесообразности. Но целесообразно далеко не все, что научно. Трезвая оценка реальности может обеспечить социальную динамику. Идеологическая экспертиза действительного состояния общества рискует обеспечить временную стабилизацию. Но она всегда проигрывает в исторической перспективе. Не провоцирует ли это появление новых этажей «ложного сознания»? Так рушится вековая мечта социальных мыслителей – придать социальному развитию державную теоретическую оснастку.

П. Гуревич. Сегодня можно зафиксировать явную избыточность идеологий. Идеологизируется все – от социальной политики до новейшего научного открытия. В политической практике прошлого обнаруживались контрверзы либеральной, консервативной и радикальной идеологии. В наши дни картина чрезвычайно усложнилась. Мы оказались в сложном спектре идеологических воззрений. Всеохватная идеологизация глобализма вызвала к жизни антиглобализм. Побочным продуктом глобализации явилась идеология космополитизма, для которой «отечество сердца и воображения» (выражение В. Ключевского) оказывается там, где хранятся банковские вклады. Мощная тенденция к националь-

ному нивелированию, к глобализации сознания наконец-то породила контртенденцию.

Л. Буева. Это действительно так. Миллионы людей испытывают потребность в собственной национальной укорененности. Казалось бы, поиск идентичности, охвативший едва ли не все страны, мог носить лишь общекультурный характер. На самом деле, он оказался предельно идеологизированным. В японской культуре, например, для обоснования героической судьбы страны даже персонажи давних мифов используются как реальные исторические фигуры. Поводом для неизбежного национального самовозвышения может служить даже победа сборной страны по футболу.

И. Егорова. Такая же задача, по сути дела, поставлена перед создателями нового учебника по истории. В нем особую ценность приобретают «достойные» события, сомнительное отсекается или просто игнорируется. Таким образом, устраняется мудрая мысль Гегеля о том, что в истории особую ценность обретает поучительное, будь это победа или поражение. Поиск самоидентичности уже вызвал национальные войны, бесчисленные конфликты, неустранимые катастрофы. Прогноз З. Бжезинского ныне выглядит просто пародийным: «...преодолей в себе голос крови на базе новейших научных достижений...»

П. Гуревич. При такой идеологической креативности невольно закрадывается мысль: а может быть, для матушки-Истории этот азарт, социальный кипятилок, «нас возвыша-

ющий обман» важнее, нежели здравый смысл, точный экспертный прогноз? В идеологии всегда присутствуют жар, клокотанье иллюзий, страстей. Может быть, идеология и есть локомотив истории? Не исключено в то же время, что она способна породить уныние и позор через беспощадное столкновение с реальностью, растрату жизненных сил, исторический проигрыш? Разве призрак коммунизма не прервал безоговорочное развитие России в начале минувшего столетия? Не обернулся ли блистательный и победоносный пафос фильма, с которого мы начали наше обсуждение, историческим провалом Германии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.